

В. А. Зверев

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗА ЖИЗНИ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ ЭПОХИ КАПИТАЛИЗМА

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Экологические аспекты культуры и образа жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма / В. А. Зверев // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX в. : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. И. Соловьева. – Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1986. – С. 70–91.

Крестьянская трудовая жизнь в ее традиционных формах была всегда в очень высокой степени экологичной. Ее содержанием являлось «воспроизводство производителя в ... объективных условиях существования и вместе с ними»¹. Тесная связь с природой выражалась в особенностях хозяйственной практики и познавательной активности крестьян, она во многом определяла содержание и формы их общения, диктовала необходимость эффективного экологического воспитания подрастающих поколений. Определяющей составной частью, основой трудового образа жизни русского крестьянства издавна было земледелие. Поэтому в данной статье ставится задача: выяснить характер взаимодействия именно земледельческого крестьянского хозяйства и важнейших элементов природной среды (рельеф местности, климат, водоемы, почва, растительность) на материалах Сибири второй половины XIX — начала XX в.

В изучаемый период существовала очень высокая степень зависимости крестьянского хозяйства от состояния природных факторов (условий и ресурсов) его существования. «У нас хлеб на небе зреет», — таково было характерное мнение сибиряков на этот счет², оно опиралось на реальные факты. В довольно обычные по климатическим условиям 1893 и 1894 годы в Ялуторовском округе Тобольской губернии только «вредные атмосферные явления» (иней, заморозки, град) повредили посевы на площади в 1259 десятин. При этом убытки, определяемые издержками производства, составили: 12 264 руб., а число пострадавших крестьянских хозяйств достигло 1235, или 3,6 % всех наличных хозяйств округа. Еще 6011 хозяйств (17,6 %) пострадало от кобылки (насекомое, родственное саранче)³.

В период с 1870 по 1902 г. в Енисейской губернии среди причин, особенно неблагоприятно сказавшихся на урожае хлебов, исследователи по 11 раз указали на весенние

---

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 485.

² Очерк крестьянского земледельческого хозяйства в Западной Сибири. – Акмолинские областные ведомости, 1891, 19 февраля.

³ Подсчитано по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского окр. Тобольской губ. М., 1897, т. 1, с. 800, 808.

холода и ненастье, 10 раз — на засуху, 9 — на сильные ветры, 6 — на поедание посевов кобылкой, по 5 — на сорные травы и наводнение, 4 — на осенние заморозки. Среди других причин отмечалось развитие хлебных паразитов, грызунов, червей⁴.

И все же, несмотря на столь сильную зависимость хозяйства от природы, слепой фатализм не был характерен для экологического сознания крестьян. Бытовало представление о плодотворности активной позиции работника на земле, которое выражено в нарочито полемической форме в пословице «Урожай не столько от росы, сколько от поту»⁵.

Стремление сильнее влиять на результативность своего труда, а через нее — на благосостояние семьи — главная причина наблюдавшейся активизации деятельности крестьян, направленной на познание окружающей их природной среды. Это познание могло осуществиться единственно доступным крестьянству способом — путем непосредственного наблюдения. Практически никто из крестьян не имел приборов для определения химического состава почвы, силы ветра, для составления карт рельефа местности и т. д. Лишь немногие, преимущественно богатые, крестьяне имели в хозяйстве простейшие приборы для определения погоды. В большом селе Шушенском Минусинского уезда Енисейской губернии в конце XIX — начале XX в. только кулак Н. Потылицын, например, имел барометр⁶.

Экологическое наблюдение велось крестьянами в течение длительного времени день за днем. Оно вписывалось, как правило, в процесс хозяйственной деятельности, очень редко выделяясь в качестве хронологически и пространственно самостоятельной сферы образа жизни. Результаты индивидуального наблюдения эффективно дополнялись и исправлялись в ходе семейного и соседского общения. Скорректированные таким путем результаты наблюдений обычно формулировались устно в виде эмпирических заключений и закреплялись в индивидуальном, групповом и общественном сознании. Известные историкам случаи ведения крестьянами Сибири записей, фиксирующих экологические знания для их межпоколенной передачи или публикации, были немногочисленными.

Тобольский губернский агроном, известный энтузиаст изучения и освоения Сибири Н. Л. Скалозубов писал в 1912 г.: «Каждому сибирскому музею известны лица из местных крестьян, интересующихся изучением края и собиранием коллекций, оказывающие музеям услуги в их деятельности»⁷. Действительно, некоторые крестьяне были вовлечены в исследовательскую работу музеев и таких общественных организаций, как Московское общество сельского хозяйства, Русское Географическое общество, Общество изучения

---

⁴ Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. Красноярск, 1903, с. 12.

⁵ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 20.

⁶ МКМ, оп. 4, д. 181, л. 9.

⁷ *Скалозубов Н. Л.* Организация общественных сил в целях изучения Сибири. СПб., 1912, с. 5.

Сибири и улучшения ее быта, помогая собирать геологические, ботанические и зоологические коллекции, вести опытническую работу по акклиматизации и селекции новых для данной местности сельскохозяйственных культур⁸. Однако деятельность весьма немногочисленных научных учреждений и организаций со слабой материальной базой не достигала в Сибири значительных масштабов, их связи с крестьянским населением не были достаточно широкими и прочными. Так, Минусинский музей, организовав селекционную работу окрестных крестьян, посылал в 1886 г. семена в 12 селений, в 1887 — в 11, в 1888 г. — в 17, но в каждом из этих населенных пунктов имел лишь по одному-два корреспондента-опытника⁹.

К тому же крестьяне, даже грамотные, в своей массе еще не были вполне подготовлены к систематическому сотрудничеству с научными учреждениями. Подводя в 1888 г. итоги пятилетней опытнической работы, директор Минусинского музея Н. М. Мартянов констатировал, что крестьяне с большим энтузиазмом участвуют в селекционной деятельности, но получить от них обстоятельные и точные сведения о результатах опытов невозможно. «Урожай, за немногим исключением, определяются ими, правда, взвешиванием, но далеко не точно и без соблюдения всех необходимых предосторожностей против ошибок. Вообще, внимание хозяина, несмотря на все разъяснения важности точных отчетов, преимущественно привлекает эмпирически наглядный результат, который он потом в состоянии выразить только в общих чертах словами: родилось, не родилось, хорошо, лучше, много лучше и т. д., в сущности, мало говорящими о сравнительных успехах опытов»¹⁰. В другом месте тот же автор отмечал неумение крестьян взять образцы почвы для научного исследования. Они брали почвенный слой в малом объеме, без подпочвы, без надлежащих описаний места залегания¹¹.

Эмпирическое наблюдение с последующей практической проверкой и корректировкой может считаться лишь низшей формой научного познания. Крестьяне фиксировали основные из действующих в экологических системах закономерностей, но не могли выйти при этом на уровень теоретических обобщений высокого порядка, которые могла бы сделать только наука, вооруженная гораздо более мощным методологическим и техническим инструментарием. Однако не следует недооценивать значения полученных крестьянами путем наблюдения экологических знаний. Они в основном соответствовали потребностям

---

⁸ См.: *Азадовский М. К.* Из деятельности крестьян-собираателей. — Сибирский архив, 1916, вып. 3/4, с. 216; *Нужды сельскохозяйственной промышленности...*, с. 2—4; *Труды Ялуторовского отд. Московского общества сельского хозяйства.* Ялуторовск, 1911, вып. 1, с. 2; *Халютин П. В.* Крестьянское хозяйство в России. Пг., 1915, т. 3, с. 3, 26, 43.

⁹ МКМ, оп. 1, д. 48, л. 80—81.

¹⁰ Там же, л. 131—133.

¹¹ Там же, оп. 3, д. 120, л. 28.

хозяйства на тогдашнем уровне его развития, иногда предвосхищали последующие научные достижения, подсказывая ученым направление работы, давая материал для проверки и теоретического осмысления. Наблюдатели не раз отмечали, что сибирские крестьяне «по своему геологи, ботаники и агрономы» и в своей массе обладают довольно «тонким практическим знанием физических (т. е. природных — В. З.) условий своего хозяйства»¹². «Вековое общение народа с природою открыло ему знания, которые часто только позднее открываются уму, дисциплинированному наукой», — писал Н. Л. Скалозубов¹³.

К началу XX в. сибиряки накопили обстоятельные и весьма ценные знания о рельефе своего края. Даже в такой однообразной по рельефу, на первый взгляд практически плоской местности, как Барабинская степь, они различали множество видов возвышенностей (острова, увалы, гривы, релки, елани) и низменных мест (межгрия, займища, пади)¹⁴. Повсеместно крестьяне учитывали тот факт, что вероятность выпадения инея, заморозков в начале и конце летнего сезона на возвышенных песчаных пашнях была гораздо меньшей, чем на смежных с ними низких перегнойных или глинистых участках, что на возвышенностях был возможен более ранний посев, здесь быстрее созревали хлеба. Придавалось значение местоположению возвышенности относительно сторон света и водоемов, направлению ее скатов.

Большое значение придавалось водному режиму местности. Так, жители юга Тобольской губернии считали гораздо более выгодными для пашен «острова», расположенные в непосредственной близости к озерам, чем прилегающие к болотам¹⁵. В Забайкалье признавалось благотворное влияние крупных рек на посев хлебов. Было установлено, что на их берегах менее резко перепады температуры воздуха, реже случаются ранние заморозки и засухи, посевы мало страдают от хлебных паразитов. В то же время возле мелких речек и ручьев, по наблюдениям крестьян, хлеба страдали сильно, так как эти источники, неся с гор очень холодную воду, сильно понижали температуру воздуха¹⁶.

Сибиряки досконально изучили дождевой режим, знали его оптимальные характеристики. В северо-западной Барабе, по их наблюдениям, для хорошего урожая пшеницы нужно было три дождя за лето: примерно 10 июня по старому стилю, когда пшеница «станет собираться в “трубку”», около Петрова дня (29 июня), когда она начнет цвести, и около «Казанской» (8 июля), когда станет наливаться. Эти три дождя, выпавшие вовремя и промочившие почву на

---

¹² Материалы, для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1893, вып. 19, с. 62.

¹³ Скалозубов Н. Л. Указ. соч., с. 19.

¹⁴ Материалы для изучения..., 1892, вып. 17, с. 106—107.

¹⁵ См.: Там же, 1899, вып. 3, с. 69—73.

¹⁶ См.: Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской обл.: Материалы. СПб., 1898, вып.

два-три вершка, назывались «венцом всему урожаю». «Очень полезными» считались и майские дожди, падающие во время восхода пшеницы. В то же время количество необходимых дождей и их оптимальные сроки варьировались для разных видов почвы¹⁷. В Приишимье замечали, что засуха особенно опасна по восходе хлебов, что затем, когда они «возьмут силу», количество выпадающих осадков уже почти не играет роли, «хотя полезно, чтобы во время налива хлебов выпал один или два дождя»¹⁸.

Крестьяне отлично знали растительный мир своего края, особенно ту его обширную часть, которая была активно вовлечена в хозяйственный оборот: возделываемые сельскохозяйственные культуры, собираемые в пищу грибы и ягоды, скашиваемую на корм скоту траву, используемую для построек, промысловой обработки или на дрова древесину. Характер растительности на земельном участке всегда считался хорошим показателем качеств почвенного слоя, служил указанием для высевания на нем определенных культур, применения тех или иных агротехнических приемов. Не только земледелие, но и собирательство своим высоким развитием в Сибири во многом было обязано хорошему знанию населением богатого растительного мира¹⁹. Во второй половине XIX в. жившие у р. Тобола крестьяне собирали и применяли в своей медицинской практике 26 видов трав, жители г. Ялуторовска и его округа — не менее 18 видов²⁰.

Пожалуй, наиболее ценные и полные знания крестьяне накопили о почвенных условиях своего земледельческого хозяйства. Доказательством высокого для своего времени уровня народного почвоведения Сибири служит фактическое совпадение богатой типологии почв, принятой в нем и в научном почвоведении, отмеченное исследователем С. Е. Филимоновым применительно к Барабе²¹. При определении качества («доброты») почвы крестьяне учитывали множество показателей: ее происхождение, цвет, толщину и площадь залегания, механическую структуру, качества подпочвы, состояние при различной погоде, степень влажности, соотношение видов растительности на участке, положение последнего относительно солнца, рельефа местности, водоемов, лесных массивов, а также урожайность различных культур при пробных посевах.

Вообще обращает на себя внимание высокая степень осознания крестьянами того факта, что *различные природные факторы взаимодействуют с их хозяйством не сами по себе, а только в определенной взаимосвязи, в комплексе друг с другом*. На основе тщательного

11, с. 31, 52, 64, 74 (далее: Комиссия Куломзина).

¹⁷ См.: Материалы для изучения..., вып. 17, с. 180.

¹⁸ Там же, вып. 3, с. 216—217.

¹⁹ См.: *Лебедева А. А.* Собирательство в быту русских крестьян Сибири (XIX – начало XX в.). — В кн.: *Общество и природа: исторические этапы и формы взаимодействия*. М., 1981, с. 309—317.

²⁰ Подсчитано по: *Абрамов Н.* Река Тобол с ее притоками. — *Тобольские губернские ведомости*, 1863, 19 января; *Он же.* Город Ялуторовск с его округом. — Указ. изд., 1864, 27 июня.

наблюдения за внешним видом и поведением насекомых, зверей, птиц и рыб, состоянием растительного мира и других компонентов неразрывного природного комплекса осуществлялось прогнозирование погоды, «урожая» культурных растений, промысловых животных, кедровых орехов, грибов, ягод, лекарственных трав. При этом были зафиксированы многие реально существовавшие экологические связи как географического, так и хронологического порядка.

Вероятно, наибольшим достижением крестьянства в этой области можно считать открытие цикличности природных процессов. В беседах с жителями одной из местностей Ишимского округа Тобольской губернии исследователь А. А. Кауфман выяснил, что, «по их наблюдениям, из 10 лет бывает примерно 3 хороших года (с урожаем примерно 100 пудов пшеницы), 4 средних (урожай около 60 пудов) и 3 худых (урожай около 20 пудов)»²². В других местностях называли другое соотношение урожайных и неурожайных лет (например: три хороших, три средних и четыре «худых» урожая). Однако везде считали несомненным, что чередование урожаев очень неравномерно — в иное десятилетие бывало не больше одного неурожайного года, в другое же случалось до пяти и более. Помнили, что «прежде распределение урожаев во времени было совсем иное; еще лет 30—40 тому назад из десяти урожаев бывало примерно 5—6 хороших и очень хороших»²³. Таким образом, крестьяне установили, что природная цикличность носит вероятностный, подвижный характер и меняется в зависимости от изменения тех или иных компонентов природной среды, в том числе под влиянием вмешательства человека. Такого рода цикличность отмечалась не только относительно урожаев хлебов. Сибиряки зафиксировали и учитывали в своей хозяйственной деятельности цикличность урожаев кедрового ореха (через три года на четвертый в одних местах, два раза в 10 лет в других), периодичность наводнений, поднятия и «оскудения» вод в реках и озерах, появления кобылки и т. д.²⁴ Тем самым крестьяне предвосхитили одно из перспективных направлений профессиональной науки сегодняшнего дня²⁵.

Результатом плодотворного наблюдения за природными комплексами стали также многочисленные приметы, помогавшие крестьянам вести хозяйство. Вот некоторые из них: «Если в хорошую погоду скотина утуляется под крышу, то скоро будет перемена погоды: летом дождь, зимою снег», «Если весной долго не линяют зайцы — долго будет холод»²⁶.

---

²¹ Материалы для изучения..., вып. 17, с. 96.

²² Материалы для изучения..., вып. 3, с. 210.

²³ Там же, с. 213.

²⁴ См.: Там же, 1893, вып. 20, с. 148; Колесников А. Д. Реки и озера Сибири в прошлом. — Земля сибирская, дальневосточная, 1982, № 5, с. 45; Комиссия Куломзина, вып. 11, с. 31, 37, 74; вып. 12, с. 2; Шостакович Б. П. Промыслы Нарымского края. — Записки ЗСОРГО, 1882, кн. 4, с. 39.

²⁵ См.: Жилин Ю. Г. О природе и повторяемости засух на юге Тюменской обл. — В кн.: Повышение продуктивности земли в Зауралье. Новосибирск, 1982, с. 28–44.

²⁶ Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах.

Лопались почки на березах, и сибиряки начинали яровой посев, полное же развитие березового и осинового листа заставляло крестьян заканчивать сев яровых. Хорошо перезимовавшие муравьи «обещали» крестьянам богатый урожай пшеницы и т. д.²⁷ Почти повсеместно также предсказывали хороший урожай хлебов, если зимой выпадало много снега, часто образовывался «куржак» (иней) на деревьях. Однако где-то в Енисейской губернии была зафиксирована противоположная примета: «Если зима была морозная и малоснежная, то будет лето хлебородное»²⁸. Но и она верно отражала природную ситуацию в тех таежных местностях Восточной Сибири, где снег долго не сходил с полей, где обильные снегопады приводили к чрезмерному увлажнению почвы, долгому ее просыханию весной, а значит — сокращению периода, благоприятного для вегетации растений.

Наряду с несомненно правильными наблюдениями, существовали многочисленные приметы, точность которых была весьма относительна. Они были связаны с такими чертами местных биогеоценозов и климата, закономерности которых было очень трудно уловить простым наблюдением. Сами крестьяне признавали обманчивость многих своих выводов из экологических наблюдений, призывали не верить им слепо: «Год на год не приходится».

В экологических представлениях крестьян-сибиряков бытовали и явно ненаучные, в том числе религиозные, предрассудки и суеверия. Так, земельные пустоши кое-где в Сибири старались поднимать не иначе, как во время «прибыли» луны («на нову»), а никак не во время ее «убыли» («на ветху»), считая, что вследствие этого пашня не сможет долго истощиться. Зато уничтожение осота пахотой рекомендовалось производить как раз на ущерб луны, чтобы он больше не рос²⁹. В Тарском округе Тобольской губернии собиравшиеся сеять хлеб в несколько приемов крестьяне взвешивали от одной курицы три первых яйца и думали, что которое по счету яйцо тяжелее, тот и сев хлеба будет урожайнее; ждали дождя с той стороны, в которую каркала ворона³⁰. Наблюдая за тем, как мыши поедают хлеб (печеный, а также в снопах, в виде зерна или муки), крестьяне-тоболяки глубокомысленно сетовали: «Мышь ест хлеб снизу вверх — цена на хлеб подымется»³¹. Повсеместно в засушливые годы крестьяне собирали крестные ходы, вымаливая дождя у бога.

Такие представления и действия обуславливались относительно низким в научном отношении уровнем познания, придавленного уродливыми социально-экономическими,

---

СПб., 1905, т. 4, с. 37, 65—66, 146, 388.

²⁷ См.: Там же, т. 2, с. 275, 378; *Мельников М. Н.* Поиски сокровищ: Записки фольклориста. Новосибирск, 1985, с. 31—32.

²⁸ *Ермолов А. С.* Указ. соч., т. 4, с. 211—212; Восточное обозрение, 1882, 16 декабря.

²⁹ Материалы для изучения..., вып. 3, с. 177; вып. 17, с. 154.

³⁰ *Попов Т.* Слобода Такмыцкая.— Тобольские губернские ведомости, 1886, 16 апреля.

³¹ *Ермолов А. С.* Указ. соч., т. 2, с. 367—368.

правовыми и культурными условиями существования крестьянства как класса-сословия в эпоху капитализма. Политика самодержавия и церкви, направленная на сохранение этих условий, фактически консервировала далеко несовершенное экологическое сознание крестьян. Типичный пример: Когда жители Ишимского округа, накопив некоторые знания о повадках появившейся здесь недавно кобылки, начали с ней борьбу, местное духовенство стало убеждать их, что это грех, сопротивление воле божьей. Священники всячески поддерживали мнение наиболее темной части крестьян, что «с кобылкой борьба невозможна»³².

Исследователи отмечали все же, что в основной своей массе сибирский крестьянин изучаемого периода «вообще далеко не так суеверен, как крестьянин многих местностей великороссийских губерний, и часто относится скептически к тому, что для последнего составляет истину, не подлежащую никакому сомнению»³³. Некоторые предрассудки критиковались наиболее передовыми представителями самого крестьянства как «дурничка» (глупость, пережиток) и в известной степени вытеснялись под влиянием как объективных процессов социально-экономического развития, так и в ходе просвещения деревни. Хорошей проверкой результатов экологического познания крестьян была повседневная практика их экономической деятельности.

В своей хозяйственной жизни земледельцы стремились по возможности полнее учитывать накопленные экологические знания. Местные природные особенности, взятые в комплексе, в значительной степени определяли выбор мест поселения, расположения пашен и других хозяйственных угодий, систему земледелия, агротехнические приемы и севообороты, набор сельскохозяйственных орудий, культур, сроки полевых работ и т. д. По мере углубления экологических представлений происходило изменение всех этих компонентов. Так, в первой половине XIX в. в Каинском округе Томской губернии вторая вспашка поля под пшеницу на беззалежных полях при однолетнем паре производилась всегда весной, перед самым посевом. К концу же века стали пахать уже, как правило, осенью. При этом появилась возможность избежать пагубного влияния неблагоприятного весеннего климата и летних засух. К тому же осенью рабочий скот, имея даровой подножный корм, был наиболее силен и дешев, а времени на эту работу было много, поэтому можно было запахивать большое пространство и работать без излишней спешки³⁴.

Наиболее дальновидные из крестьян стремились и прогнозировать дальнейшее приспособление местного хозяйства к природным условиям. В 80-х гг. XIX в. старожил с.

---

³² Ядринцев Н. М. О способах и средствах борьбы с кобылкой в южных округах Тобольской губ. СПб., 1893, с. 8—9.

³³ Костров Н. А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губ. Томск, 1876, с. 96.

³⁴ См.: Материалы для изучения..., вып. 17, с. 178—179.

Курагинского Минусинского округа Енисейской губернии Михаил Курагин, например, считал, что на тамошних степях «должно развиваться чисто степное хозяйство, где плуг в 4 пары волов будет подымать землю на глубину 4—5 вершков, земля эта будет лежать до следующей весны, рано весной ее будут подборанивать (“скородить”) и сеять 2—3 хлеба, а затем опять бросать в залежь. В местах подтаежных, где слишком сильна растительность сорных трав, должна явиться двухпольная система»³⁵. О последней много говорили, находя ее полезной и необходимой в таких подтаежных селениях Минусинского округа, как Кужебары, Имис. Исходя из особенностей местных почв, Курагин прогнозировал появление нового орудия труда — треугольной бороны с загнутыми назад ножами, «чтобы ходила поперек пластов и резала, а то (имеющейся. — В. З.) бороной рвать пласты очень трудно»³⁶.

Выше отмечалось несовершенство экологического сознания крестьян. Оно не могло не накладывать свой отпечаток на степень рациональности крестьянского хозяйства. Возьмем, к примеру, южное Зауралье — район, издавна освоенный русским крестьянским населением. Уроженец этих мест, знаменитый сибирский агроном Т. С. Мальцев отмечает, что здесь до 20-х гг. XX в. не борошили поле весной перед севом после осенней вспашки, ошибочно считая, что образовавшаяся весной на поле корка сохраняет влагу в почве. Рациональнее же было ранним весенним боронованием спровоцировать рост сорняков, затем выполоть их бороной с лапами и уже потом сеять. Практиковался ранний сев. Местным же условиям более отвечал сев поздний, при котором посевы не успевали до летней засухи выпить влагу из почвы³⁷.

Противоречившие «*нраву местности*» приемы агротехники иногда свидетельствовали о незавершенности процесса приспособления к особенностям природной среды. В условиях менявшейся общественной и экологической ситуации становились все более необходимыми хозяйственные эксперименты, но они не всегда и не сразу давали положительные результаты. Известны, например, многочисленные случаи неудачных для сибиряков опытов применения органических удобрений³⁸. Однако следует иметь в виду, что нерациональность некоторых хозяйственных приемов объяснялась в первую очередь ограниченными возможностями мелкого крестьянского хозяйства, несовершенством техники. «Старики» на родине Т. С. Мальцева, даже если бы установили пользу раннего весеннего боронования пара, не смогли бы его применять. Вразброс сеять зерно по боронованному полю нельзя, так как на таком поле невозможно заделать семена примитивными деревянными боровами с

---

³⁵ МКМ, оп. 3, д. 120, л. 143.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Филоненко И. Е. Хлебопашец. — Октябрь, 1983, № 1, с. 25—26.

³⁸ См.: Григоровский Н. П. Крестьяне-старожилы Нарымского края. — Записки ЗСОРО, 1879, кн. 1, с. 7—8; Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных

прямыми зубьями. Оптимальную организацию весенних полевых работ в Зауралье удалось наладить уже в советский период с помощью рядовых сеялок, лапчатых борон и культиваторов, которых при капитализме у крестьян не было³⁹.

Соображения рационального (в экологическом отношении) хозяйствования часто вынуждены были отступать под давлением факторов социально-экономического и политического характера, среди которых в эпоху капитализма главным была принадлежность крестьянского двора к определенному социальному слою, социальной группе в деревне. «Богатый как хочет, а бедный как сможет»⁴⁰. Эта оговорка могла означать, например, что только в хозяйстве зажиточного крестьянина мог (конечно, при желании последнего) осуществляться более или менее последовательный учет экологической обстановки. Бедные же «руководствуются не планом, а возможностью: где, например, хороший хозяин парит землю не реже чем через два хлеба, там бедные, не имеющие достаточно “конной силы” или проводящие необходимое для обработки паров время в работе по найму, сеют подряд по три, по четыре и по пяти хлебов; где далее зажиточный хозяин сеет тот хлеб, посев которого наиболее выгоден, именно пшеницу, там бедняк высевает те семена, которые у него в минуту посева есть под рукой ... где, наконец, зажиточные крестьяне, видя истощенность пашни, забрасывают ее в пустошь, а взамен того поднимают залогов или вылежавшиеся пустоши, или же арендуют сравнительно свежие земли, там бедные, не имеющие возможности сделать ни того, ни другого, продолжают сеять все на тех же истощенных землях», — констатировал буржуазный исследователь А. А. Кауфман⁴¹.

Многое в хозяйстве крестьянина — длительность обработки залогов и содержания их в залежи, качество и сроки всех работ по обработке поля, возможность удобрять пашню, применять наиболее производительные и отвечающие природным условиям орудия труда, набор сельскохозяйственных культур и т. д. — зависело, прежде всего, от степени обеспеченности хозяйства деньгами, мужскими и женскими рабочими руками, скотом, хорошими семенами. Ощутимо влияли на хозяйственную деятельность крестьян, часто искажая их оптимальную реакцию на требования природной среды, и такие факторы, как степень близости городов и приисков, транспортных путей; стоимость продуктов земледелия; масштабы торговой и просветительской деятельности организаций и лиц, занимавшихся продажей улучшенных орудий труда, семян; значимость земледелия как источника существования; плотность сельского населения; вмешательство администрации и

имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896, с. 12; и др.

³⁹ См.: *Мальцев Т. С.* Раздумья о земле, о хлебе. М., 1985, с. 41—42.

⁴⁰ ИЭ, ф. ОЛЕАЭ, д. 344, л. 1; *Понов Т.* Указ. соч., 23 апреля.

⁴¹ Материалы для изучения..., вып. 3, с. 95—96.

др.

Связь между природной средой и крестьянским хозяйством была двусторонней. Проанализировав характер влияния природы на деревенскую экономику, рассмотрим теперь *способы и результаты воздействия хозяйственной практики земледельцев на экологическую ситуацию* в Сибири.

Отметим, прежде всего, что в условиях капиталистического общества мелкобуржуазное по своему характеру крестьянское хозяйство часто вступало в противоречие с потребностями сохранения экологического равновесия. При преимущественно экстенсивном земледелии в условиях нарастания относительного малоземелья в некоторых местностях происходило сокращение плодородия пашен и лугов. Земля, оставаясь в залежи все более короткий срок, не зная достаточного удобрения и правильных севооборотов, не успевала вполне *«отдохнуть»*. По этой причине, по мнению специалистов, во второй половине XIX в. последовательно сокращалась урожайность хлебов в Енисейской губернии. Вместо сам-6,2 в 1860—1869 гг. урожай озимых составил в 1897—1901 гг. уже сам-5,7. Урожайность яровых упала соответственно с сам-4,4 до сам-3,6⁴². В целом по Сибири в эпоху капитализма урожаи сельскохозяйственных культур несколько увеличились, но рост был невелик, урожаи были неустойчивыми, несмотря на громадные затраты труда крестьянства⁴³. Изучая именно такие процессы, В. И. Ленин писал: «Мелкое земледелие держится всяческим хищничеством: расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением сил и качеств скота, расхищением производительных сил земли...»⁴⁴.

Крестьяне на первых порах пытались компенсировать *«вытачивание»* своих пашен увеличением густоты посева, освоением новых земель. Но в долгосрочном плане, не будучи подкреплены соответствующими агрономическими мероприятиями, эти шаги могли лишь усилить процесс истощения почв. Масштабы и способы расчистки новых земельных площадей из-под леса далеко не всегда были экологически оправданными. В частности, расчистка довольно распространенным способом выжигания часто приводила к гибели от огня лесных массивов гораздо больших по площади, чем было нужно земледельцам.

Вообще леса, находившиеся в пользовании крестьян, эксплуатировались довольно небрежно. Источники единодушно отмечали высокую степень засоренности лесов валежником, вершинами и сучьями срубленных деревьев⁴⁵. Вследствие этого забрасывались

---

⁴² Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Иркутск, 1894, т. 4, вып. 4, с. 101; Головачев Д. М. Сельское хозяйство Енисейской губ. и условия его развития. Красноярск, 1903, с. 24.

⁴³ См.: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983, с. 67—68.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 176.

⁴⁵ См.: Материалы для изучения..., 1888, вып. 1, с. 116—117; 1889, вып. 2, с. 35; Сибирь, 1886, 8 июня; и др.

значительные пространства «дубравных» покосов, а попытки расчистить их с помощью огня приводили к лесным пожарам. Значительный вред лесам Сибири причиняли издавна укоренившиеся обычаи пасти скот в лесных покосах (вытаптывалась почва, поедались молодые побеги деревьев), очищать весной поля и луга от прошлогодней стерни и травы огнем («пускать палы»). Поскольку палы охватывали огромные площади, а надзор за ними обычно либо отсутствовал, либо был крайне недостаточным, огонь часто уходил из прилегающих полей и лугов в леса, производя там страшное опустошение⁴⁶.

Губительное влияние палов на растительные и животные богатства лесов было очевидным и признавалось многими крестьянами. Менее заметен, на первый взгляд, был вред, наносимый палами самим очищаемым пашенным и сенокосным угодьям. От сильного огня иногда выгорал перегной в верхнем горизонте почвы, уничтожались семена трав, и земельный участок мог стать менее плодородным. Уже в конце 80-х гг. XIX в. крестьяне Барабы, например, стали замечать, что «палы портят землю», делают ее лудоватой, зольной, малоурожайной»⁴⁷.

Еще одной негативной формой экологического поведения крестьян в Сибири было загрязнение территории населенных пунктов, а также прилегающих к ним водоемов различным мусором, особенно навозом. Основная его масса в качестве удобрений на поля сибиряками не вывозилась, а скапливалась в течение многих лет во дворах, на улицах и околицах деревень⁴⁸. Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов утверждал даже, что в Сибири бывали случаи переноса селений на новые места только потому, что старые «кругом занавозились»⁴⁹. Ежегодные отчеты окружных сельских врачей, наряду с другими источниками, показывают, что повсеместно в Сибири крестьяне сваливали зимой навоз и другие хозяйственные отбросы на берега, на лед рек и озер в расчете на то, что поднявшаяся весной вода ассенизирует их без особых расходов. Это делало воду, особенно в небольших водоемах, все менее пригодной для питья. Очень частые в дореволюционной Сибири эпидемии брюшного тифа, оспы, дизентерии и других заразных болезней были обычно связаны с употреблением грязной, зараженной воды таких водоемов⁵⁰. В сочетании с засорением речек бревнами при лесосплаве, валежником от срубленного леса

---

⁴⁶ См.: *Обручев В. А.* В старой Сибири. Иркутск, 1958, с. 260—262; *Шостакович Б. Д.* Лесные пожары. — В кн.: *Сибирская советская энциклопедия*. Новосибирск, 1932, т. 3, стб. 124—127.

⁴⁷ Материалы для изучения..., вып. 17, с. 151.

⁴⁸ См.: Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1887 г. СПб., 1889, с. 168, 172; *Пузырев Я.* Помочи в Тальменской волости Барнаульского окр. Томской губ. — *Этнографическое обозрение*, 1892, № 2/3, с. 234; *Сибирь* 1886, 13 апреля.

⁴⁹ Прибавление к всеподданнейшему докладу..., с. 12—13.

⁵⁰ См.: Отчет... за 1886 г., 1888, с. 191—192; Отчет... за 1891 г., 1894, с. 58—59; *Воронов К. С.* Томский и Каинский округа в медицинском отношении. — *Томские губернские ведомости*, 1865, 21 мая; Санитарное состояние Томской губ. за 1882 г. — Указ. изд., 1883, 8 сентября; и др.

«занавоживание» приводило также к заиливанию, обмелению водных транспортных путей, затрудняло навигацию. Загрязнение водоемов дополнялось местами стиркой белья, вымочкой кож, льна и пеньки, купанием домашнего скота.

Таким образом, в изучаемый период начали сказываться первые последствия тех негативных для природной среды форм экологического поведения, которые проявлялись в хозяйственной жизни крестьян. В тех более или менее освоенных в хозяйственном отношении районах Сибири, где некогда шумели девственные леса, последние были в значительной степени уничтожены или существенно обесценены беспорядочными порубками и частыми пожарами. Особенно пострадали леса вблизи крупных населенных пунктов, железной дороги⁵¹. Сохранившиеся здесь леса постепенно изменяли свой характер: вместо ценных пород кедра, лиственницы, «кондовой» сосны, липы на вырубках и пожарищах стали расти березы, осины, малоценные «мендачные» сосны.

Некоторые лесистые в прошлом местности приобретали совершенно степной характер, и их жители были вынуждены далеко ездить за лесом или обходиться во многих случаях без него. Так, прииртышские казаки уже в середине XIX в. должны были строить жилые дома из березового леса, крестьяне же Ишимского и Курганского округов Тобольской губернии — из мелкого сосняка⁵². Такие жилища зимой промерзали, были сырыми и часто вредными для здоровья. Сведение лесов в ряде местностей (юг Тобольской губернии, Минусинская котловина, Забайкалье) привело к развитию эрозии песчаных почв. Начали обнажаться сыпучие пески, которые стали заносить огороды и пашни. В лишенных лесов районах обычным явлением становились засухи, отрицательно сказывающиеся на земледелии⁵³.

Во второй половине XIX столетия в связи с истреблением лесных массивов, распашкой полей на склонах водостоков, неумеренным выпасом скота на берегах начали мелеть крупные реки, пересыхать мелкие речки и ручьи. Этот процесс был отмечен как в Западной, так и в Восточной Сибири⁵⁴. Он также не мог не оказать обратного отрицательного воздействия на земледельческое хозяйство сельских жителей. Сокращение площади лесов, изменение водного баланса было одной из причин ухудшения структуры возделываемых культур. При капитализме в Западной Сибири продолжалось, например, начавшееся в предшествующий период сокращение площади посева озимых хлебов. В Томской губернии

---

⁵¹ См.: ГАЧО, ф. 239, оп. 1, д. 23, л. 7; Материалы для изучения..., вып. 20, с. 73; *Бочанова Г. А.* Промысловое освоение Сибири в конце XIX— начале XX в. (вопросы экологии). — В кн.: *Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX в.* Новосибирск, 1985, с. 130—131; и др.

⁵² *Завалишин И. И.* Описание Западной Сибири. М., 1862, т. 1, с. 192.

⁵³ См.: МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 22; ЦГВИА, ф. 330, оп. 43, д. 1439, л. 6; Прибавление к всеподданнейшему докладу..., с. 8, 11.

⁵⁴ См.: Комиссия Куломзина, вып. 12, с. 156—157; *Колесников А. Д.* Указ. соч., с. 45—46; *Обручев В. А.* Указ. соч., с. 262.

озимая рожь, занимавшая в 1895 г. еще 16,3 % всех посевных площадей, в 1913 г. была засеяна только на 5,8, а в 1916 г. — на 4,5 % посевного клина. Посевные площади под озимой рожью сократились также в Тобольской губернии — с 12,9 % в 1897 г. до 7,0 % в 1917 г. В Восточной же Сибири посевы озимой ржи несколько расширились, видимо, за счет расчистки новых участков в лесистых местностях⁵⁵. Озимые успешно произрастают только в тех местах, где поля защищены лесными участками от выдувания, где в почве хорошо держится влага, а таких местностей становилось в старых земледельческих районах Западной Сибири все меньше.

Еще одним неблагоприятным последствием «сведения» лесов в некоторых местах стало распространение кобылки, уничтожавшей порою обширные площади крестьянских посевов. Еще в середине 80-х гг. XIX в. очевидец утверждал, что на юге Тобольской губернии, например, «крестьяне ничего не знают ни о саранче, ни о кобылке. Нет никаких пород вредных насекомых»⁵⁶. В последующие же десятилетия кобылка стала настоящим бичом земледельцев в засушливых безлесных районах с их монокультурными биогеоценозами. В тяжелом 1891 г. в Ишимском округе кобылкой и засухой было уничтожено 129 483 из засеянных хлебами 189 722 десятин. В ряде волостей кобылка съела все или почти все всходы⁵⁷. В следующем 1892 г. в том же округе, состоявшем из 35 волостей, 25 волостей снова сильно пострадали от кобылки. Из них 14 волостей лишились от четверти до половины посевов всех яровых хлебов и 11 — от половины до трех четвертей⁵⁸.

Выше мы говорили о двух причинах существования негативных форм экологического поведения — хищническом характере мелкобуржуазного хозяйствования, несовершенстве экологических знаний крестьян. Следует указать еще на инерцию традиционного экологического поведения, сформировавшегося в предшествующий период в условиях мнимой «неисчерпаемости» огромных природных богатств Сибири, рутинного состояния техники в сельском хозяйстве. «А от лесу урожай ничего не зависит; коли господь батюшка не пошлет с небес, так хоть разлес будь, ничего ты не изладишь», — вот одно из типичных утверждений крестьян, закрепленное традицией. «А детям-то что останется?» — спросил записавший эти слова в 1865 г. в Зауралье исследователь Е. А. Горшенев. «Мы век прожили, и они проживут; еще дивно останется и им, а не хватит, так как знают. Тамока бог знает, что еще и будет», — отвечали ему жители Кардопольской волости Шадринского округа

---

⁵⁵ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма, с. 67, табл. 6; *Островский И. В.* К изучению зернового хозяйства Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — В кн.: Развитие производительных сил Сибири в XIX—XX вв. Новосибирск, 1983, с. 156—157, табл. 3, 4.

⁵⁶ *Петропавловский Н. Е.* По Ишиму и Тоболу. — Записки ЗСОРГО, 1886, кн. 8, вып. 1, с. 10.

⁵⁷ См.: *Ядринцев Н. М.* Указ. соч., с. 22—23.

⁵⁸ См.: *Шадринский В. И., Сарафанникова Л. А.* Из истории сельскохозяйственного освоения юго-восточной части Тюменской обл. — В кн.: Труды Свердловского педагогического института.

Пермской губернии⁵⁹.

Немаловажный фактор, обусловивший ухудшение экологической ситуации в Сибири, — тяжелые социально-экономические и правовые условия, в которые было поставлено крестьянское хозяйство. Крестьяне были лишены возможности чувствовать себя настоящими хозяевами своей земли и ее богатств. Характерно, например, что массовые порубки лесов вспыхивали в Сибири, как правило, в момент обострения споров по поводу их владельческой принадлежности, как протест против полуфеодальной кабинетской и государственной собственности на лес, против вмешательства казны и Кабинета в порядок пользования лесными участками⁶⁰. «Вот хоть и лес, — рассказывали те же кардопольцы, — когда он у нас был на душах (разделен на участки между общинами, а внутри последних — на душевые “пайки”. — В. З.), пайки у нас были под самым жилком, и какой лес был! — глядеть любо. И всяко общество берегло свой пай. Бывало, сохрани бог кто заедет чужой — обдерут, караулы были; сами рубили только на что снадобится, лесину-ту срубишь, а вершину-то на дрова. А тут вот эти пайки-то у нас отрезали в казну (заместо их дали вон за 10 верст), да и приставили стражу лесную, а она же и стала продавать на сторону. Наши видят, что лес гинет, а берегли столько годов! Мы взяли да и давай тут же рубить; по крайности не доставайся людям»⁶¹. Оскудению земельных участков способствовали отрезки их казной и Кабинетом у крестьян в ходе землеустроительной кампании, отвод в переселенческий фонд, обычные в Сибири периода капитализма споры по вопросу их принадлежности между общинами и т. д.

Серьезное влияние на экологическое поведение земледельцев оказывала социальная дифференциация деревни, а у этого влияния были и негативные стороны. Разрушение общины затрудняло осуществление природоохранных мероприятий, часто требовавших больших материальных затрат, трудоемких совместных действий. Разоряющаяся масса мелких крестьян и полупролетариев не могла иметь солидных возможностей для восстановления нарушаемых хозяйством элементов природной среды. Кулачество же, стремясь получить побольше прибыли с наименьшими затратами, даже имея средства и рабочую силу, часто не хотело заниматься этим восстановлением. Известный исследователь В. А. Обручев, рассказывая о массовой аренде кулаками Восточной Сибири земли у бедноты, писал в конце XIX в.: «А какое дело кулаку до культивирования чужих полей? Что ему за печаль, если на них растут наперегонки сорняки ... добавляющие свои

Свердловск, 1971, сб. 174, вып. 8, с. 148.

⁵⁹ ЦГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 43, л. 4—5.

⁶⁰ См.: Крестьянское движение в Сибири, 1861—1907 гг.: хроника и историография / Л. М. Горюшкин, В. В. Кучер, Г. А. Ноздрин и др. Новосибирск, 1985, с. 108—111.

⁶¹ ЦГАЛИ, ф. 1420, оп. 1, д. 43, л. 4—5.

ядовитые семена в зерно и делающие хлеб ... тяжелым и нездоровым... Он знает, что продаст с прибылью и это нездоровое зерно. <...> А когда все поля в окрестностях так истощены, что перестают давать что-либо, кроме сорняков, что ему за забота? Разве не простираются по всему плодородному Забайкалью бескрайние поля, лучшие из которых любой может арендовать за пустяковую плату — 18 копеек за десятину, чудесные черноземные поля, сулящие ему три-четыре года подряд лучшие урожаи, чем дали бы истощенные участки даже при дорогостоящем удобрении?»⁶².

Однако уже в предшествующий капитализму период крестьяне России стали осознавать ущерб, наносимый их хозяйством природной среде, и «вели работу по охране и воспроизводству важнейших видов природных ресурсов, имевших для общества первостепенное значение»⁶³. В эпоху капитализма общественное сознание передовой части крестьянства еще интенсивнее осмысливало тесную связь между производимыми в ходе хозяйственной деятельности изменениями природы и усложнением условий ведения самого сельского хозяйства. Объективная необходимость заставляла принимать меры по сохранению необходимых для жизни природных условий и ресурсов.

Вслед за ухудшением почвенных условий в Сибири происходило изменение систем земледелия. Архаичная залежная (переложная) система, сохранявшаяся в той или иной степени повсеместно, предполагала временное прекращение обработки земельного участка для восстановления его плодородия через несколько лет после распашки. Многолетним опытом крестьяне установили минимальные сроки залежности для каждого вида почв, после которых был возможен новый цикл обработки. Нормы обычного права давали возможность хозяину забрасывать землю в залежь, не опасаясь, что ее захватит кто-то другой. По мере роста земельного утеснения перелог терял свое значение, но все большее и большее распространение получали пары и органическое удобрение земли, позволявшие в более короткие сроки добиваться восстановления «производительных сил» почвы. Часто эти новые формы обеспечивали такое восстановление полностью, иногда же они позволяли лишь оттягивать и сокращать период залежности.

Исследователи уже отмечали, что важное значение в сохранении плодородия почвы сибирские крестьяне придавали совершенствованию севооборотов⁶⁴. Набор орудий труда, имевшийся у крестьян, и приемы их агротехники также в значительной степени

---

⁶² Обручев В. А. Указ. соч., с. 274—275.

⁶³ Дулов А. В. Географическая среда и история России (конец XV— середина XIX в.). М., 1983, с. 186. См. также: Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975.

⁶⁴ Шадурский В. И. Из истории севооборотов и систем земледелия Северного Зауралья (XVII—XX вв.). — В кн.: Повышение продуктивности земли..., с. 99—101; Он же. Правильное чередование культур. — Уральские нивы, 1971, № 2, с. 23—24; и др.

ориентировались на поддержание экологического равновесия. Известный литературе факт длительной приверженности старожилов Сибири своим сохам и сабанам, относительно медленного их вытеснения в конце XIX — начале XX в. в ряде районов усовершенствованным плугами объясняется не только неблагоприятными социальными условиями развития крестьянского хозяйства (хотя они, конечно, играли важнейшую роль), но и экологическими достоинствами местных орудий. Легкие черноземные почвы кое-где не допускали их глубокой перепашки, сохи же и сабаны позволяли пахать мелко, углубляясь лишь по мере надобности. Местами они лучше плуга очищали поля от сорняков, были удобнее для транспортировки в условиях гористого рельефа и разбросанности пашен⁶⁵. Поверхностное, безотвальное рыхление почвы, позволяющее сохранять ее плодородие и широко распространенное в Сибири второй половины XIX — начала XX в., как известно, доказало свою целесообразность и широко применяется теперь во многих районах страны⁶⁶.

Причиной того, что земля, вовлеченная в сельскохозяйственный оборот, постепенно теряла свое плодородие, сибирские крестьяне совершенно справедливо считали не произрастание на ней культурных растений, а вмешательство человека с помощью плуга и других орудий труда в естественные природные процессы. «Земля изнасилась, устала, выпалась, вот и родит все хуже и хуже, она требует отдыха», — вот обычное представление сибиряков⁶⁷. Подразумевался отдых от обработки, «забрасывание» земли в залежь. Но и саму обработку старались вести, щадя землю. В ряде районов применялся даже способ посева «на ленивку», когда исключались все виды основной и предпосевной обработки почвы. Но он требовал, по мнению крестьян, свежих и очень доброкачественных земель⁶⁸. Сохранению почв от водной и ветровой эрозии способствовала практиковавшаяся во многих местах распашка горных и холмистых полей поперек склонов, внесение навозного удобрения в слабую песчаную почву, распашка целины не сплошными массивами, а участками — «полосами», «клочками» и т. д.

Сибиряками применялись различные способы сохранения лесов, весьма важных для земледельческого хозяйства. При расчистке лесных участков под пашню крестьяне использовали чаще всего не чреватое пожарами уничтожение леса на корню огнем, а вырубку сырого леса («сыросека») или сведение его с помощью «чертежа». При последнем способе у основания стволов обдиралась («зачерчивалась») широким поясом кора, деревья

---

⁶⁵ См.: МКМ; оп. 1а, д. 52, л. 6; оп. 3, д. 120, л. 142; Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний, с. 53.

⁶⁶ См.: *Капитанов А. Н., Шатилов И. С., Милащенко Н. З.* Читая труды Т. С. Мальцева. — В кн.: Мальцев Т. С. Указ. соч., с. 4—5.

⁶⁷ См.: *Филоненко И. Е.* Указ. соч., с. 14—15.

⁶⁸ См.: Материалы для изучения..., вып. 3, с. 175; *Шадурский В. И.* Народный опыт земледелия Сибири и современность. — В кн.: Развитие производительных сил Сибири..., с. 162—163.

высыхали на корню, а затем их убрали с участка. Стремясь уберечь лес, крестьяне принимали на сельских и волостных сходах постановления об отмене или ограничении палов; о нормировании порубок на собственные нужды определенным сроком, количеством деревьев или кубических саженой дров; о запрещении вырубки леса на продажу без разрешения общества. Выбирались специальные «полесовщики», «лесники» — ответственные за сохранность общинного леса⁶⁹.

Замечательным явлением в истории экологического поведения крестьян Сибири стало создание «заповедных», «заказных» лесов. Таковыми становились особо ценные для общин лесные участки: лучше сохранившиеся или, наоборот, сильнее всего нуждавшиеся в восстановлении, определенным образом расположенные (в верховьях и по берегам речек и ручьев, около ключей, на песках).

Общины принимали решения о полном запрещении на определенное время или бессрочно, до нового постановления, рубки деревьев в таком лесу. Иногда здесь запрещались и все другие формы хозяйственной деятельности, лес обносился изгородью и оставлялся на полный отдых. Иногда же в заповедном лесу разрешались косьба сена, выпас скота, сбор валежника. Для охраны могли быть выбраны «полесовщики», иногда их обязанности поочередно исполняли все общественники. В источниках названы заказные леса в Забайкалье (Малокуналейская и Малокударинская волости и Горячинское отдельное общество Верхнеудинского уезда, Урлукская станица на р. Чикой, Киранская станица Троицкосавского округа, Хараузское селение в верховьях р. Тугнуй), в Тобольской губернии (Абалакская волость Тобольского округа; Малокрасноярская волость Тарского округа; Чернавская в Курганском; Утчанская, Сладковская, Голышмановская, Теплодубровная, Петуховская, Ражевская волости в Ишимском округе), на Алтае (с. Верх-Катунское неподалеку от г. Бийска) и в других местах⁷⁰.

Крестьяне стремились сохранить леса и от ущерба, наносимого казной, Кабинетом, а также частными предпринимателями, действовавшими с санкции этих «верховных собственников» леса. В 1907–1914 гг. в Сибири отмечено, по крайней мере, 10 случаев сопротивления крестьян лесным порубкам, предпринятым казной, Кабинетом и частными лицами⁷¹.

В ряде степных местностей сельские жители употребляли в качестве топлива не дрова, а

---

⁶⁹ См.: ЦГВИА, ф. 330, оп. 6, д. 30, л. 16; Материалы для изучения..., вып. 3, с. 386—388; Комиссия Куломзина, вып. 10, с. 129—130; вып. 12, с. 171; *Костров Н. А.* Указ. соч., с. 86; и др.

⁷⁰ См.: Комиссия Куломзина, вып. 10, с. 130; вып. 11, с. 109; вып. 12, с. 22, 159; Материалы для изучения..., вып. 3, с. 386—387; 1892, вып. 16, с. 48—49; вып. 20, прилож., с. 68; *Капустин С. Я.* Очерки порядков поземельной общины в Тобольский губ. — В кн.: Литературный сборник. СПб., 1885, с. 110; Сибирь, 1885, 14 апреля; и др.

⁷¹ *Ноздрин Г. А.* Крестьянское движение в Сибири в 1907—1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук.

солому, кизяк, торф, камыш. Так делали в теплый период года, например, жители д. Бровничи Спасской волости Каинского уезда Томской губернии. Они учитывали, что лесами тамошняя местность была небогата, и никому не разрешали рубить ближние леса, поделенные между семьями. Делалось это, чтобы не оголять поля и предотвратить их ветровую эрозию. Дрова на зиму и лес для построек мужчины заготавливали в дальней тайге⁷². Правда, в иных случаях заменяющие дрова виды топлива крестьяне использовать не столько с целью сохранения лесных участков, сколько вследствие их почти полного истребления в предшествующий период или отсутствия в наделе (особенно у ссыльнопоселенцев, бедноты).

В изучаемый период крестьянством Сибири практиковалось не только сохранение, но и улучшение (оптимизация) некоторых компонентов природной среды. Сами сибиряки называли свои усилия в этом направлении словами «*гоить*» (улучшать, ухаживать, холить, делать годным) и «*удобрять*» (в широком смысле — делать лучше)⁷³. Наиболее распространенными способами «гоения» земельных угодий были орошение и внесение органических удобрений.

Районом наибольшего развития искусственного орошения пашен и сенокосных угодий в Сибири было Забайкалье. Русские крестьяне позаимствовали технологию этого дела у бурят, которые «с незапамятных времен» орошали свои земли. По сведениям статистического отдела Забайкальской переселенческой организации, в 1915 г. крестьянами было орошено 17 862 десятин пашни и 51 972 десятин покосов⁷⁴. Если учесть, что все посевные площади в Забайкальской области в этом году составили 333 800 десятин⁷⁵, то доля орошаемых полей (5,4 %) была заметной. Другими важнейшими районами распространения искусственного орошения стали в Сибири Минусинская котловина и Верхнее Прииртышье. Во всех указанных местностях для ирригации имелись подходящие географические условия: необходимость диктовалась недостатком влаги в почве, а возможность создавал гористый рельеф местности и обилие рек и ручьев. Орошение позволяло иногда обратить на службу человеку бесплодные ранее земли. Что касается уже окультуренных полей и лугов, то ирригация резко (иногда в 2–2,7 раза) повышала их продуктивность⁷⁶. Еще больший эффект давало комплексное улучшение угодий — полив в сочетании с навозным удобрением.

Внесение органических удобрений применялось в ряде местностей Сибири с XVII в., но в

Новосибирск, 1984, с. 131, 227.

⁷² Рассказ *Е. Т. Бабичевой*, 1912 г. рожд., д. Бровничи Венгеровского района Новосибирской обл. Полевая запись Е. С. Ботвинко хранится у автора статьи.

⁷³ *Патканов С. К., Зобнин Ф. К.* Список тобольских слов и выражений. — Живая старина, 1899, вып. 4, с. 490; Комиссия Куломзина, вып. 10, с. 292, 300.

⁷⁴ ГАЧО, ф. 293, оп. 1, д. 23, л. 5.

⁷⁵ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма, с. 252, табл. 15.

период феодализма не имело сколько-нибудь широкого распространения. К концу же XIX в. внесение навоза на наибольших площадях огородов и ближних пашен практиковалось многими крестьянами почти повсеместно. В некоторых местностях Западного Забайкалья удобрялось до 30 % пашни⁷⁷. В Антроповской, Еланской, Липчинской и Тавдинской волостях Тюменского округа Тобольской губернии удобряло часть своих полей 2638 домохозяев из 3112, т. е. 84,8 %⁷⁸. В Ишимском округе в конце XIX в. местами арендная плата за «белики» (участки со светлой малоплодородной почвой) могла превышать плату за первосортные земли «только потому, что на первых возможно и выгодно удобрение»⁷⁹.

В источниках и исследованиях встречаются упоминания о таких приемах улучшения сельскохозяйственных угодий, применявшихся крестьянством Сибири, как осушение болот; травосеяние; перепахивание и боронование дернины лугов; выравнивание их поверхности, срезание скотобойных кочек; известкование и др. Но нет никаких оснований говорить о достаточно широком распространении этих приемов⁸⁰. Определенную роль в деле оптимизации экологических условий крестьянского хозяйства в Сибири играли палы. Они помогали очищать пашню от сорняков, луга от старой травы, вызывавшей вырождение сенокосов. Оставшаяся после палов зола могла служить подкормкой новым растениям. Облегчался рост свежей травы, на чистом месте ее легче было косить. В огне погибала часть личинок вредных насекомых. Однако палы имели и весьма плохие для экологической ситуации последствия, о которых мы сказали выше.

Положительное значение имело практиковавшееся крестьянами регулирование лесистости той или иной местности. Расчистка лесов до определенных пределов делала местность более приспособленной для жизни людей и их земледельческой деятельности. Во многих районах Сибири дремучие леса буквально одолевали («давили») земледельцев. Так, в минусинской тайге «зарастают покотины, хотя люди целым обществом по человеку с дома выходят с топором, работая дня 3—4, но на вырубках растет еще сильнее. На брошенных в залежь пашнях березовая чаща зарождается так же густо, как сеяный хлеб»⁸¹. Часто сибирякам приходилось расчищать от леса, кустарников, камней не только пашни и покотины, но и сенокосы, другие угодья, осушать «мочажины». Известны общинные приговоры, по которым осуществлялся долгосрочный раздел «неудобных» земельных угодий

---

⁷⁶ См.: Комиссия Куломзина, вып. 11, с. 105—106.

⁷⁷ Там же, с. 94.

⁷⁸ Подсчитано по: Материалы для изучения..., вып. 2, с. 54.

⁷⁹ Там же, вып. 3, с. 156.

⁸⁰ См.: Нужды сельскохозяйственной промышленности..., с. 2—3; Прибавление к всеподданнейшему докладу..., с. 10, 23; *Шадурский В. И.* Улучшение лугов и пастбищ в Тобольской губ. (XIX — начало XX в.). — В кн.: Труды НИИ сельского хозяйства Северного Зауралья. Тюмень, 1980, вып. 36, с. 107—109; и др.

⁸¹ МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 20.

между дворами специально для их улучшения, очистки⁸².

Крестьяне Сибири весьма противоречиво оценивали экологические условия и результаты ведения своего хозяйства. Будучи в целом довольными качеством земли, обилием водоемов, разнообразием микроклиматических условий, богатствами лугов и лесов, они иногда жаловались на тяжесть сибирской природы, все чаще замечали ее истощение. Крестьянин Ф. Ф. Девятов (с. Курагинское Минусинского округа Енисейской губернии) еще в 1879 г. писал своих земляках: «На общий вопрос “Каково живется?” везде является почти один ответ в различных выражениях: “плохо, худенько, трудненько”... Затем высказываются всевозможные нужды ... например, где земли выпахались, и посему подумывают переселяться на Амур... Где луга не стали давать сенокосов... Где волки скоту выхода не дают, и от этого никак невозможно развести скотину...»⁸³. Конечно, в первую очередь недовольство крестьянства вызывали социально-экономические и политико-правовые условия жизни, но и постепенно накапливавшиеся экологические проблемы нельзя сбрасывать со счета.

Некоторые из этих проблем проявлялись в результате стихийного функционирования самого в целом капиталистически организованного мелкого крестьянского хозяйства. Часть проблем огромными усилиями крестьян преодолевалась путем охраны важнейших компонентов природной среды. *По мере возможности сибиряки старались не только охранять, но и улучшать природные условия и природные ресурсы своей жизни.* Поэтому и сегодня не потеряли актуальности слова Т. С. Мальцева, сказанные в 1946 г. о земледельческой (в частности, экологической) практике земляков-крестьян: «Многому еще можно поучиться у старых земледельцев, и все, что для данных условий ценно, не гнушаясь, следует широко использовать»⁸⁴. К сожалению, в эпоху капитализма относительно низкий уровень развития производительных сил, эксплуататорские производственные отношения, политическое бесправие, отсутствие доступа к большинству достижений науки приводили к тому, что положительные стороны экологического поведения крестьянства либо в значительной степени теряли свою эффективность, либо не могли по-настоящему проявиться.

---

⁸² См., например: Комиссия Куломзина, вып. 10, с. 292, 300; вып. 12, с. 3.

⁸³ МКМ, оп. 1а, д. 52, л. 19.

⁸⁴ Мальцев Т. С. Указ. соч., с. 42.